

Мария Солнцева

**АНГЛИЙСКИЙ
ТРАНЗИТ**

Путевые впечатления

Мария Солнцева

**Английский транзит.
Путевые впечатления**

«Издательские решения»

Солнцева М.

Английский транзит. Путевые впечатления / М. Солнцева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903505-9

Книга составлена из разрозненных рассказов, написанных автором по возвращении в Россию после семилетнего периода жизни в Англии.

ISBN 978-5-44-903505-9

© Солнцева М.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ОСВОЕНИЕ АНГЛИИ	7
О том, как мы уехали жить в Англию	7
Маленькая, но судьбоносная Шотландия	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Английский транзит Путевые впечатления

Мария Солнцева

Редактор В. Н. Солнцев

Иллюстратор обложки В. Н. Солнцев

© Мария Солнцева, 2019

ISBN 978-5-4490-3505-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книжица была составлена из разрозненных баек, рассказанных мною постепенно по возвращении в Россию после длительного периода жизни в Англии. В стране Туманного Альбиона мы с мужем прожили семь лет. Жалеем ли мы о том, что вернулись в Россию? Нет! Скучаем ли мы по Англии? Да. Вернемся ли мы обратно? Как знать...

Англия, 2015 г. Создатели и главные герои этой книги

ОСВОЕНИЕ АНГЛИИ

О том, как мы уехали жить в Англию

*Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!*

Александр Блок

Предыстория

Первое высшее образование я получила в Московском университете по специальности «физико-географ зарубежных стран». Какая профессия стояла за этой специальностью, не понимал никто, включая саму меня.

С полгода помывавшись в Москве на грошовых заработках офисного клерка, я уехала в Шотландию пожить у друзей. За четыре года неплохо освоила английский язык и мимоходом получила второе высшее в университете Глазго. Моей следующей специальностью стала наука о международном туризме.

Мною, русской обладательницей британского диплома магистра туристических наук, заинтересовалось министерство туризма в Лондоне. Дело было в середине девяностых годов двадцатого века. Постсоветские толстосумы валом валили в Великобританию. Воодушевлённые радужной перспективой небывалых доходов от туризма из стран бывшего СССР, британские власти открыли в министерстве специальный русский отдел. Я пришлась очень кстати. Год я проработала в столице туманного Альбиона, а потом вернулась домой, в Москву.

Теперь я была знатоком в области туризма. Но максимум, что мне светило в Москве – это бесправная и нервная работа менеджера туристической фирмы. Ненормированный рабочий день и копеечная зарплата меня не привлекали. И я устроилась работать переводчицей английского языка в крупную американскую инженерно-строительную компанию. Меня послали работать на Урал, где компания участвовала в проектировании и строительстве гигантского хранилища радиоактивных отходов демонтированных ядерных ракет.

Я гуляла с американцами по стройке, переводила встречи уральских строителей с американскими сенаторами, курирующими ядерное разоружение. Мой друг Кларк из планового отдела сказал: «Слушай, переводчик – это же не профессия. Из тебя получится отличный плановик. Давай к нам в отдел!» Я слабо упиралась, возражая, что у меня нет технического образования. «Ты не поверишь, но самые лучшие плановики получают из гуманитариев», – настаивал на своём Кларк и добился, чтобы меня перевели из старших переводчиков в младшие инженеры-плановики. Я съездила на пару месяцев в Америку поучиться премудростям новой профессии. По-английски она звучит как «Project Controls Specialist». Что правильнее всего на русский будет перевести как «специалист по планово-экономическому управлению проектами». А проще сказать, инженер-плановик. Сугубо западный плановик, сугубо по-западному (без приписок, откатов и так далее) контролирующий графики и бюджеты высокочрезвычайно масштабных проектов. Проектов, которые бывают растянуты на годы, но всегда имеют начало и конец. Например, инжиниринг и строительство электростанции, футбольного стадиона или нефтеперерабатывающего завода.

Странное дело, но мои мозги и склад характера оказались весьма подходящи к профессии плановика. Знай себе общайся с инженерами и строителями, да плети сеть графиков. Рисуи

себе план крупными мазками, следуя общей логике и абстрагируясь от технических деталей. Мой добрый друг-американец Кларк был проницателен – гуманитарии как никто умеют логически мыслить и добиваться верной общей картины, отмечая частности, эту картину замутняющие.

В последующие годы уже в качестве ведущего специалиста я моталась по промышленным объектам, возводящимся в труднодоступных местах планеты. Оказалось, плановики нужнее всего в нефте-газовой отрасли. Потому что штрафы за срыв сроков в этой области самые серьёзные. Два года я колесила по российской заполярной тундре, немея от сорокапятиградусной стужи. Контролировала график по прокладыванию нефтепровода. Два года просидела в алжирской Сахаре, плаваясь от пятидесятиградусной жары. Планировала возведение газодобывающего комплекса, сетями своих трубопроводов опутавшего бескрайнюю пустыню на сотни километров. Почти год я промаялась в экваториальной сырости на острове Бонни в Нигерии. Участвовала в строительстве завода по производству сжиженного природного газа.

Устав от кочевой жизни в самолётах и строительных вагончиках, я была счастлива, когда американцы вновь перевели меня на работу в свой московский офис. К тому же, у меня наконец наладилась человеческая семейная жизнь. После пятнадцати лет полуподпольных отношений мой сердечный друг Владимир Солнцев наконец-то сделал мне предложение стать его женой. Мы поселились жить вместе, и ему больше были не по нраву мои дальние разъезды и долгие отлучки из Москвы.

Вот уже три года как мы обитали в нашем московском жилище, наслаждаясь постоянным обществом друг друга. Владимир занимался наукой географией и преподавал в МГУ. Я работала на американцев, зарабатывая длинную денюгу. Каждое утро рабочей недели я отправлялась на улицу Арбат, где располагался офис моего работодателя. Я была крутым спецом, непостижимым образом преуспев в профессии, к которой, казалось бы, изначально не имела ни предпосылок ни призвания.

И всё было устойчиво, пока в мировой экономике не грянул кризис, обрушив цены на энергоносители.

Оседлая жизнь под вопросом

Кризис ощутимо ударил по нефте-газовым проектам на территории России. Один за другим они стали закрываться, и моя американская инженерная контора начала постепенно сворачивать своё присутствие в Москве.

Возможно, что мне сокращение грозило не в самую первую очередь. Как раз накануне нефтяного кризиса моя разносторонняя и вездесущая контора выиграла тендер на участие в модернизации целлюлозно-бумажного комбината в городе Коряжма Архангельской области. Проект на несколько лет, нужен руководитель планово-экономической службы, не хочешь поехать в Коряжму, поработать там годик-другой?

Предложение поступило весьма своевременно ввиду приближающейся перспективы закрытия московского офиса. Работа в западной компании на объекте, за сотни километров удалённом от родного дома – чрезвычайно выгодная вещь. На и без того неплохую зарплату полагаются всевозможные надбавки. Проживание предоставляется и оплачивается работодателем. За год можно легко заработать на новую приличную машину, если не на квартиру. В общем, предложение о Коряжме звучало заманчиво.

Я была уверена, что идея пожить на русских северах понравится Солнцеву. В последнее время он тяготился работой в МГУ и подумывал об увольнении, благо на пенсию уже заработал. Однажды Солнцев сказал, что географ – это человек, который удовлетворяет свою страсть к путешествиям за чужой счет. Навсегда географ в душе, разве он откажется от предоставившейся возможности поисследовать необъятные просторы архангельской и вологодской областей, на границе которых находится Коряжма?

«Это интересно!», – изрёк Солнцев. – Хорошо бы туда съездить и проверить обстановку на месте, прежде чем ты подпишешь контракт».

Моё начальство с готовностью вызвалось оплатить нашу с мужем ознакомительную поездку в Коряжму. «Съездите, посмотрите места, где вам предстоит жить, – сказали американцы. – Там всюду идёт строительство лагеря для проживания наших работников. Несколько сотрудников на днях заселились в только что возведённые дома. Среди них – руководитель проекта. Он уже приступил к работе, заодно встретишься с ним на комбинате, обсудишь первоочередные цели и задачи».

Пока утрясались организационные моменты семейной «командировки» в Коряжму – покупались билеты, бронировался номер в гостинице – успело произойти одно событие. Из ряда вон выходящее, но, как нам с Солнцевым казалось, ничего не определяющее в нашем будущем. Я слетала в Лондон, чтобы пройти собеседование на предмет работы в некоей английской инженерной компании.

Английские рекрутеры меня одолевали давно. Опытные плановики в Великобритании – на вес золота. Моё профессиональное резюме – пухлое от подвигов в горах, в тундре, в пустыне и на экваторе – имело вес и спрос. До сей поры я не особо велась на предложения рекрутеров рассмотреть варианты новой работы. Нас с Солнцевым вполне устраивала оседлая жизнь в столице нашей Родины. Но свежий ветер, подувший во время кризиса, словно занёс в наш карман «пылинку дальних стран».

Сначала английские рекрутеры долго беседовали со мной по телефону. Потом предложили явиться на собеседование в офис работодателя, расположенный в городе Рэдинге недалеко от Лондона. Все дорожные расходы работодатель брал на себя.

«Это интересно!», – изрёк Солнцев. – Вряд ли из этого что-нибудь выйдет, но почему бы тебе и не прокатиться задарма в Англию и не проверить обстановку на месте».

В Соединённое Королевство я смоталась на три дня – как к себе домой. Английская приятельница Джоун встретила меня в аэропорту и настояла на том, чтобы я ночевала у неё, а не в гостинице. Стоял сентябрь, золотая английская осень. Джоун, наслышанная о страстных русских грибниках, наконец-то осуществила свою давнюю мечту самолично поучаствовать в грибосборе. Мы отправились в симпатичный лесок недалеко от дома Джоун в графстве Суррей и за час насобирали мешочек только что вылупившихся, аккуратных и крепких белых грибов. Редкие англичане, встречающиеся нам на лесных дорожках, смотрели на нас кто с ужасом, а кто с презрением. Дома у Джоун я приготовила простенький грибной суп. Счастью Джоун, приобщённой к загадочному миру русской грибной души, не было предела.

Собеседование со мной проводил пожилой лысоватый английский джентльмен, начальник планово-экономического отдела. Беседовали больше часа. Не расположенный шутить, джентльмен был не улыбочив и допрашивал меня со всею серьёзностью. Прежде всего он заметил, поглядывая на лежащую перед собой копию моего резюме: «У Вас два высших образования, и ни одно из них даже отдалённо не связано с Вашей нынешней профессией. Как Вам удалось столь успешно переквалифицироваться из географа и специалиста по туризму в инженеры-плановики?» «Может быть, мне это удалось благодаря моему гибкому уму и умению быстро учиться и воспринимать всё новое?», – бодро и как бы полушутя предположила я в ответ, мило улыбнувшись. Но похоже, англичанин, не оценил моего чувства юмора, продолжая разговор с каменным лицом.

«Расскажите, как бы Вы построили детальный график проектирования нефтяной станции», – потребовал он. «Знаете, по части детального проектирования я не совсем сильна. А вот про график строительства такой станции рассказать могу». Собеседующий взглянул на меня с любопытством и снисходительно кивнул. О, про все этапы стройки я могла бы рассказать, разбуди меня среди ночи – годы жизни в строительном вагончике не прошли даром. К концу собеседования англичанин выглядел несколько менее сурово, сказав: «Нам не хватает сотруд-

ников с подобным практическим опытом. Большинство наших плановиков никогда за пределы офиса не выбирались и стройки настоящей в глаза не видели. Возможно, мы сделаем Вам предложение о работе».

Вероятность переезда в Великобританию я серьёзно не воспринимала. Даже если мне действительно предложат работу в Англии, придётся отказаться. Мой муж, конечно же, не согласится ехать в чужую страну на постоянное место жительства.

И мы с Солнцевым отправились в ознакомительное путешествие на север, в город Коряжму Котласского района Архангельской области.

Коряжма: условия работы

Всё время нашего пребывания в Коряжме к нам был приставлен провожатый Анатолий, добродушный усатый мужичок средних лет с круглым брюшком и автомобилем. Он встретил на вокзале наш поезд из Москвы, отвёз нас в гостиницу и затем три дня возил нас по окрестностям и на встречи с моими будущими коллегами.

В воздухе устойчиво витал тяжёлый химический запах. Он преследовал нас повсюду – в гостинице и на улицах города. Обыватели Коряжмы, должно быть, давно привыкли к этой атмосфере, создаваемой своими градообразующими предприятиями. В городе работали два гигантских промышленных объекта – целлюлозно-бумажный комбинат и химический завод, производящий лакокрасочные материалы, реагенты и эмульгаторы.

Не считая химической ауры, с виду это был город как город, не хуже и не лучше тысячи других российских провинциальных городков. В летописях населённый пункт Коряжмы был известен с 1535-го года, когда два монаха Лонгин и Симон основали новую обитель в тихом укромном местечке на берегах между рек Вычегда и впадающей в неё речушки Коряжемки. Говорят, что такое ласковое название речки произошло от местного говора – «коряжинами» поморы называли затонувшие в воде стволы деревьев с сучьями и сгнившие брёвна.

Со временем обитель разрослась в известный на всю Россию Николо-Коряжемский мужской монастырь. Вокруг монастыря, обладавшего большими земельными угодьями, появлялись новые поселения, кипела хозяйственная деятельность. Монастырь был духовным и экономическим центром на десятки километров вокруг. Пока в 1917-м году его не прикрыли большевики, расстреляв или сослав в лагеря всё коряжемское духовенство.

Одним из традиционных местных промыслов была добыча древесины, и в пятидесятых годах советские власти развернули в окрестностях деревни Коряжемка строительство бумажного комбината и благоустроенного посёлка Коряжма. Проблема «рабочей силы» была решена по-большевицки – первым делом в посёлке обосновали колонию для заключённых. Их руками и был построен колоссальный комбинат, с шестидесятых годов начавший выдавать стране бумажную продукцию. Население посёлка разрасталось. К началу работы комбината оно достигло двадцати тысяч человек. К восьмидесятым годам оно превышало сорок тысяч человек. В посёлке появились новые микрорайоны, проспекты и улицы, застроенные многоэтажными квартирными домами. В 1985-м году населённому пункту Коряжма был присвоен статус города.

Всюду в городе царил обычная убогая архитектура стиля советских времён. Но Анатолий отвёз нас на берег Вычегды, где глаз наконец порадовался светло-голубому великолепию отреставрированных храмов недавно возрождённого Николо-Коряжемского монастыря. Походив по ухоженным монастырским дорожкам между аккуратных клумб с цветами, мы уткнулись в памятник на свежей могиле. В ней похоронен настоятель одного из храмов монастыря протоиерей Михаил Яворский, трагически погибший в автокатастрофе. Молодой, всего сорок четыре года. «Такая трагедия для всего города, – печально вздохнул наш гид Анатолий. – Тысячи людей пришли его хоронить. Настоящий сподвижник был наш батюшка. Это ведь исключительно его трудами монастырь восстановлен».

Замечательное место для монастыря. Здесь совсем не пахло городской химией. Вдоль берега широченной реки тянулись светлые песчаные пляжи. На другом берегу зеленела кромка леса, издалека кажущегося совсем невысоким. За ним, всего километрах в десяти отсюда находится город Сольвычегодск, знаменитый своим соляным промыслом и тем, что когда-то там отбывал двухлетнюю ссылку молодой пламенный революционер Иосиф Сталин.

Над монастырём по просторному северному небу плавно плыли белые пушистые облака. На память пришли строки поэта: «А по небу России облака все летят, и меж елей осины шелестят, шелестят. Словно хочет осина передать свою дрожь: «Помни, помни, мужчина, ты в России живешь. Постарайся скрываться от людской кутерьмы. Зарекись зарекаться от суммы и тюрьмы»...

После монастыря Анатолий повёз нас на целлюлозно-бумажный комбинат встречаться с моим будущим коллегой, руководителем проекта модернизации. При первом взгляде на территорию завода стало понятно – здесь есть что модернизировать. Забор и стены «Котласского бумажника», как издавна принято называть комбинат, выглядели изрядно обшарпанными. Нас встретил пожилой поджарый человек с красноватым обветренным лицом. Звали моего будущего руководителя Олави, и он, даром что являлся давним сотрудником моей американской компании, был финном. Впрочем, это было логично: умные американцы подрядили на целлюлозно-бумажный проект человека родом из самой подходящей страны. Индустриализация Финляндии когда-то началась именно со строительства бумажных фабрик, и лесоперерабатывающая промышленность до сих пор является основой финской экономики.

Солнцев вместе с Анатолием остались на территории завода дожидаться окончания моей недолгой встречи с Олави. Финн повёл меня на третий этаж заводского корпуса, где были выделены офисные помещения для нового проекта. Большая комната офиса с десятком рабочих столов пустовала. Проект ещё толком не начался, сотрудников ещё только предстояло нанять на работу и мобилизовать в Коряжму. В город успели приехать только Олави да ещё один американец, который прибыл на днях и сейчас обустраивается в новом доме в лагере для иностранцев.

Мы немного поговорили о работе. Финн, похоже, был профессионалом и знатоком своего дела, сулившим стать толковым руководителем проекта. Но обсуждать детали и тонкости будущей совместной деятельности сейчас не имело смысла. Олави казался несколько потеряннным. Он выглядел как бывалый капитан морской шхуны, выброшенной на дальний незнакомый берег. Матросов нет, командовать некем, и как и с кем пускаться в новое плавание, пока непонятно. Мы подошли к окну, из которого открывался вид на огромный внутренний двор. Там и сям по двору медленно ползали машины, похожие на бульдозеры. Стояли будки и агрегаты, покрытые преимущественно зелёной краской. Контейнеры были доверху забиты каким-то строительным мусором. «Всё оборудование будет заменено, – сказал Олави, задумчиво глядя в окно. – Новое, спроектированное по американским технологиям, будет закуплено за границей».

Я попрощалась с финном, выразив надежду на новую встречу и успешное сотрудничество в недалёком будущем.

Коряжма: условия жизни

Последним и главным пунктом нашей ознакомительной программы было посещение лагеря для проживания приезжих работников проекта, в основном иностранцев. Заранее радовалось, что он расположен за пределами города, в десяти километрах от Коряжмы, в лесной зоне на берегу реки. Ведь это же как в санатории отдыхать, и разве же плохо пожить так год-другой, когда тебе за это ещё и солидно приплачивают? Географ-Солнцев будет день-деньской наслаждаться местной природой, пока я пропадаю в офисе на Коряжминском комбинате.

Анатолий вёз нас в будущую резиденцию в середине дня по пустынной дороге. Справа и слева стеной стоял лес. «Здесь кругом зоны, – словно по долгу службы счёл нужным проинформировать нас наш провожатый. Раньше были зоны для политических, теперь – для уголовников. Нынче сидят, в основном, молодые. Многие из них вольные, гуляют по окрестностям».

Место поселения иностранцев действительно располагалось на территории настоящего пионерского лагеря. Нас встретили кирпичные корпуса и деревянные домики, аллеи с аляповатыми статуями горнистов, стенды с обрывками объявлений, расписаний и речовок, площадка с высоким флагштоком, спортивные песочницы и корты. О, как всё это мне было знакомо со времён моего советского детства!

Был конец сентября и лагерный сезон закончился. В воздухе не было слышно разногласий детского хора. Но по плиточным дорожкам лагеря продолжали одиноко шнырять отдельные детские и взрослые личности. Возможно, это были работники лагеря и члены их семей.

Детские пионерские постройки находились по одну сторону от центрального въезда на территорию лагеря. По другую сторону простирался участок немалых размеров, и вся его земля была перекопана. Здесь-то и шло строительство нового жилья для западных спеццов целлюлозно-бумажной промышленности. Анатолий уверенно повёл нас с Солнцевым между кучами стройматериала и мусора. «Сейчас я вас познакомлю с вашими будущими коллегами. Они только что заселились в первые отстроенные дома».

В глубине участка красовалось несколько миниатюрных одноэтажных домиков. Со светлыми бревенчатыми стенами, с открытыми террасами, обрамлёнными перилами из резных балясин, с аккуратными крылечками, эти деревянные бунгало смотрелись сказочно, были чудо как хороши. «По дому на сотрудника, – объяснил Анатолий. – В трёх построенных уже живут два иностранца и переводчик. Четвёртый почти готов. Можете зайти внутрь посмотреть обстановку. Может, как раз вы туда и заселитесь».

Небольших размеров кухня, гостиная и спальня. Не то, чтобы очень просторно, но вполне уютно. Стены изнутри из того же бревна. Все удобства. Благоустроенный рай посреди северной тайги. За окном почти вплотную к дому забор из редкого деревянного штакетника, а за ним – лес и кусочек реки. «Солнцев, это же чудо! Будем гулять вокруг дома, грибы собирать, в речке ноги мочить!» «Да, неплохо конечно, – будто бы согласился Солнцев в ответ. – Ты только спроси у Анатолия и своих коллег-американцев, собираются ли они забор ставить вокруг всей этой новодельной резиденции».

Потом мы познакомились и минут пятнадцать общались с новосёлами двух домов – высоким ковбойского вида американцем Джеком и совсем молоденьким переводчиком английского языка Олегом. Вид у обоих был разве что чуть менее потерянный, чем у финна Олави на комбинате. Впрочем, похоже, они с оптимизмом смотрели в будущее, приехав в эту глушь на отменную зарплату и вполне приличные условия проживания. «Хорошо бы, чтоб участок с этими жилищами был надёжно отгорожен от остальной территории лагеря», – выразила я моим будущим коллегам наше с Солнцевым пожелание. Мои собеседники неопределённо пожали плечами. Мол, это не в нашей компетенции, но, наверное, всё здесь устроится в лучшем виде.

После осмотра будущего места жительства в районе Коряжмы у нас оставалось ещё два небольших дела. Нам с Солнцевым хотелось хоть немного обследовать местные леса. Северные беломошные боры были мощным стимулом для таких страстных и заядлых грибников, как мы. Здесь они были повсюду, начиная прямо за территорией лагеря. И всё же мы попросили Анатолия отвезти нас в какой-нибудь неисхоженный бор подальше от лагеря. Середина осени, грибная пора должна быть в разгаре.

Коряжемский бор произвёл на нас удручающее впечатление. Сам по себе он был прекрасен – просторный, с высокими соснами и сплошным ковром из белого мха, по которому так приятно ходить. Но ни одного хорошего гриба за целый час прогулки по этому бору мы так и не нашли. Кругом росли только поганки, да изредка попадались сыроежки с ежовиками. Зато

на каждом шагу нам встречалась свалка или мусор. Чудесные Коряжемские боры оказались завалены, загажены, заражены тоннами бытового мусора.

Вторым делом нам надо было установить, есть ли в районе Коряжмы специализированные сервисы корейских машин. Мы с Солнцевым задумали переехать сюда из Москвы на собственном автомобиле. Наш недавно купленный скромный внедорожник надлежало обслуживать в гарантийной мастерской.

Заправский автоводитель Анатолий со знанием дела обвёз нас по всем автосервисам города. Вывод был однозначен. Ближайший сервис, берущийся гарантированно опекать наше авто, находится в Вологде, на расстоянии пятисот пятидесяти километров от Коряжмы. Или в Архангельске, до которого ехать шестьсот тридцать километров.

Уезжали из Коряжмы мы со смешанными чувствами.

Англия!

По возвращении в Москву нас ждала новость. Англичане сделали мне предложение о работе и прислали копию контракта. Ответ с согласием или отказом просили дать в течении нескольких дней.

Голова шла кругом. У меня в руках одновременно образовалось два предложения о дальнейшем трудоустройстве, и оба варианта предполагали длительный отъезд из Москвы. На месяцы, если не на годы.

Я всегда была лёгкой на подъём и привыкла жить вдалеке от дома. Будучи помоложе, географ-Солнцев тоже часто колесил по пространству, уезжая из дома в дальние экспедиции на долгие месяцы. С возрастом и разными болячками его жизнь на чемоданах, в основном, свелась к краткосрочным выездам на летние студенческие практики. Мне казалось, что постоянная жизнь в родном городе и работа в МГУ вполне устраивали Солнцева. Но, оказывается, настало время, когда общение со студентами перестало приносить Владимиру радость. Работа на университетской кафедре омрачалась ненаучными раздорами коллектива, в котором по уходе в мир иной последних учёных-могикан всё больше стали преобладать базарный дух и рыночные дрызги.

В возрасте шестидесяти восьми лет географ Владимир Солнцев-Эльбе вознамерился навсегда оставить научную и преподавательскую деятельность, захлопнув за собой дверь родной кафедры на двадцатом этаже главного здания МГУ. Свободная жизнь обещала открыть перед безработным пенсионером новую дверь – в мир созерцания себя и активного познания доселе неизведанного. Он с энтузиазмом отнёсся к перспективе уехать со мной из Москвы. Осталось решить, в какую сторону.

С одной стороны, имеется надёжный и очень выгодный вариант отъезда на русский север. Мой работодатель будет всё тот же – в этой компании я проработала почти десять лет, а то, что проект и коллеги новые, к этому я давно привыкла. Начальство у меня останется прежнее, и оно меня будет продолжать любить и ценить. Что касается жизни в Коряжме, то все неудобства и недостатки этой жизни мне виделись несущественными и так или иначе решаемыми. Преимуществ и заманчивых моментов, казалось, было куда как больше.

С другой стороны, имеется смутный и гораздо менее выгодный вариант работы в Англии. Новый работодатель. Зарплата, хоть и приличная, да только вот что от неё останется при отнюдь недешёвой английской жизни? Жилье придётся снимать, налоги на доход в размере сорока процентов платить. И главное, главное. Разве захочет мой муж Владимир Солнцев, ни слова не говорящий по-английски – разве решится он в своём немолодом возрасте на такую немислимую перемену как переезд в англоязычную страну, где он никогда не сможет быть самостоятельным и независимым от меня?

Мои сомнения были разрешены самим учёным-географом, причём самым неожиданным образом. После недолгих раздумий он сделал такое заявление:

«Маша! В Коряжму нельзя ехать ни в коем случае! В округе уголовники бродят, по лагерю местные дети бегают. Ну представь себе, приедем мы в Коряжму на своём внедорожнике, поселимся в красивом домике жить, толком не отгороженном от местной убогой действительности. Нас же с тобой просто-напросто убьют в один прекрасный день. Едем в Англию!»

Я пыталась Солнцеву возразить, что он в Англии и месяца не протянет без русской речи на улицах, в замкнутом пространстве, наедине с собой да со мной. Доцент-преподаватель, больше сорока лет проработавший в Московском университете. Любимец студентов и коллег, неизменно вызывавший у окружающих добрую улыбку. Любитель водки и солёного огурца на закуску. Русский человек до последней клеточки мозга, несмотря на двойную фамилию Солнцев-Эльбе и кровь, в которой оставили следы «Литва, и Русь, и разные татары». Поэт и библиофил, не мыслящий себя вне русского языка. И не имеющий ни малейшей надежды на то, чтобы овладеть английской разговорной речью. Потому что об активном общении на чужом языке не могло быть и речи – из-за дырки в горле после перенесённого рака.

Солнцев настаивал на своём: «Из университета я всё равно уйду, хлопнув дверью! На кафедре мне стало находиться совсем невыносимо. Обрыдло! Я готов с тобой поехать куда угодно. Но в Коряжму ехать нельзя категорически. Едем в Англию! Не понравится – вернёмся! Много ли мы с тобой потеряем, в конце концов?»

На том и порешили. Я подписала контракт с англичанами и вскоре уволилась с работы, отказавшись от предложения ехать в Коряжму. Начальство отнеслось к моему выбору с пониманием.

Через два месяца мы улетели жить в Англию, отправив вперёд себя с грузовой компанией несколько ящиков с сотней русских книг.

Для всех, кто знает Владимира Солнцева, его переезд в Англию на постоянное место жительства был полной неожиданностью. Даже сенсацией. Да и мы поначалу думали, что отправляемся на туманный Альбион не более чем за мимолётным приключением. Что нас хватит не более, чем на полгода. А нас хватило на семь лет. Потому что разнообразная жизнь в Королевстве затянула нас так, как этого никогда бы не случилось в Коряжме.

С Коряжмой всё равно бы ничего не получилось. Проект модернизации целлюлозно-бумажного комбината закрыли, не успев его даже начать. По причине кризиса российские инвесторы расхотели вкладываться в «Котласский бумажник». В те самые дни, когда мы переезжали жить в Англию, Олави, Джек и юный переводчик навсегда покинули Коряжму. Учёный-географ Солнцев оказался прозорлив, как всегда. Если бы не его прозорливость, осталась бы я тогда вообще без работы. И не появилось бы у нас в жизни второй Родины по имени Англия.

.
. .
. .
. .
. .

Архангельская обл, 2008 г. Чудо-домики под Коряжмой, в которых мы не решились жить

Маленькая, но судьбоносная Шотландия

Первое знакомство

Шотландия – навеки милый сердцу край вересковых холмов, шквалистых ветров и торфяных виски. Край, сыгравший судьбоносную роль в нашей с Солнцевым жизни.

Наше первое знакомство с Шотландией произошло больше двадцати пяти лет назад. Тогда казалось, что нас занесло туда случайным ветром, как, бывает, заносит путешественников в экзотические уголки планеты, в которые они, попавши раз, никогда потом не вернуться. Но первая случайная поездка повлекла за собой вторую, почти такую же случайную. А потом, благодаря знакомству, завязанному во время второй поездки в Шотландию, моя жизнь сделала извилистый поворот, тесно связав меня с английским языком и Великобританией. И если бы не Шотландия, то судьба моя не сложилась бы так, как сложилась, в конечном итоге причудливо изменив и Солнцевскую биографию.

Потому что во всей моей предшествующей жизни не было абсолютно никаких предпосылок к связям с англо-саксонским миром. Я училась в московской спецшколе с углублённым преподаванием индийских языков, по окончании которой свободно штрёхала на хинди. В семье говорили на немецком и испанском. В доме английского языка никто не знал и англоязычной культурой никто особо не увлекался.

Поступив на географический факультете МГУ, отчасти именно благодаря своему знанию редкого языка хинди я попала на зарубежную кафедру. И была там белой вороной и плохо успевающей студенткой, ибо все кругом штудировали англоязычные научные тексты, прекрасно владея языком, а я даже английского алфавита толком не знала.

На зарубежных кафедрах географического факультета МГУ полагались зарубежные поездки-учебные практики. Во времена СССР они всё больше были в сторону стран социалистического лагеря – Чехословакии, Венгрии, Кубы. Но железный занавес проржавел и открылись шлюзы. Группа нашего четвёртого курса отправилась на летнюю практику в Шотландию. Поездку студентов из России помог организовать энтузиаст-любитель природы из Глазго по имени Грир Харг.

Грир был учителем чего-то отвлечённого в средней школе одной из рабочих окраин Глазго. Консервация природы была его страстью и неформальным делом всей жизни. Он основал благотворительное общество под названием «Шотландский Лесной Фонд» («The Scottish Tree Trust»), под эгидой которого выискивал и получал гранты, скупал участки на вересковых пустошах в удалённых уголках Шотландии и сажал на них деревья. В грировском лесном обществе в основном крутился всякий сброд из рабочих районов города. Всех возрастов безработные, полусумасшедшие любители флоры и фауны, сутенёры и прочие маргиналы.

Группа из двадцати пяти студентов прибыла в Глазго из Москвы во главе с научным руководителем доцентом Солнцевым. Несмотря на то, что доцент ни слова не говорил по-английски, шотландцы быстро прониклись к нему пиететом, почтительно называли «профессором» и задаривали бутылками виски. Я, также как и Солнцев, не умела изъясняться на языке, и потому мы с ним держались друг друга и безостановочно трудились над распитием подаренного виски, пока остальные члены группы налаживали мосты с шотландскими аборигенами.

Нас поселили спать на низких раскладушках в залах грировской средней школы и кормили за гигантским столом в школьной столовой. В меню преобладала еда из консервных банок, напоминающая кошачью. Именно с той поры я на всю жизнь запомнила одно из афористичных речений Солнцева, сказанного им своим знаменитым хриплым голосом тональности а-ля Глеб Жеглов. Я начала говорить что-то нелестное в адрес желеобразных мясных тефтелей, поданных на обед. «Запомни, – жестко прервал меня профессор. – О еде, как о покойнике, нужно говорить либо хорошо, либо никак!»

Грир Харт был невысокого роста коренастым мужичком с мощными бицепсами, шарами перекачивающимися под футболкой, плотно облегающей торс. В молодости он был штангистом. Лысоватый, в очках на узко посаженных глазах, с аккуратно подстриженными усами и бородкой, лицом он поразительно напоминал знаменитого советского штангиста Юрия Власова. Грир был непререкаемый лидер принимающего нас шотландского сообщества. Входя в школьную столовую, где мы всем составом собирались для трапезы, он приветствовал нас зычным «Зиг Хайль!», шуточно изображая фюрера. «Я принёс вам мороженое!», объявлял он вслед, потрясая над головой большущей разноцветной коробкой.

Целый месяц принимающая сторона развлекала нас поездками по музыкальным фестивалям под открытым небом и по шотландским вискокурням с обязательным дегустированием производимого продукта. Посещение одного из природных резерватов грировского лесного фонда тоже состоялось. В солнечный день нас вывезли на северо-западное побережье Ирландского моря в часе езды от Глазго. Там, на полуострове Крэйгниш в окрестностях деревни Ардфёрн, Грир основал один из своих подопытных участков по облесению. В центре участка на холме, сплошь покрытом жёстким вереском, он построил незатейливый деревянный домик для привала членов «Шотландского Лесного Фонда».

В этот домик на несколько минут и ввалились московские гости, заполонив собой всё пространство. Потом ознакомились с процессом выращивания грировским обществом нового леса: все склоны близлежащих холмов были засажены крошечными ёлочками. Потом проскакали по дальним холмам, спустились к побережью и попытались окунуться в Ирландское море, шумными волнами атакующее подножья ардфёрнских холмов. Из купальной затеи ничего не вышло даже у имеющих моржовые наклонности. Несмотря на середину лета, температура воды в море была не выше десяти градусов тепла, и ноги, чуть ступив в воду, безнадежно увязали в густых и липких темно-зелёных водорослях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.